

ВЛАДИМИР МАТУСЕВИЧ,

кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела истории, теории и методологии социологических исследований Института социологии НАН Украины

Общественное мнение: критерии идентификации

Abstract

To determine the identification criteria of public opinion, in order to identify it in contrast to other very similar (as to certain features) objects, is important in theoretical and practical aspects. According to the author, the initial principle of the definition should be an understanding that public opinion has two connected dimensions: outer one, which can be revealed in attitudes of social subject (community) toward an object (socially important problem, event, etc.), and inner one, which can be revealed in organization of these attitudes by social control means. Due to the analysis of public opinion (conducted in the context of social control, role theory and referent groups theory, identification and self-categorization concepts), there was brought out a series of features capable of being used for identification criteria determination after they would be reduced to methodical means.

Проблема идентификации общественного мнения, то есть распознавания его среди других, схожих по некоторым свойствам, но отличных по сути и функциям явлений, имеет, кроме сугубо практического значения, еще и теоретическое. Здесь она совпадает с проблемой определения общественного мнения, поскольку свойственные ему признаки должны обозначить направления поиска эмпирических критериев его идентификации.

Некоторые ориентиры в этом поиске дают результаты анализа, проведенного Н.К.Горшковым. Сравнивая разные по смыслу дефиниции общественного мнения, он приходит к выводу о существовании первоосновы этого феномена, то есть его субстанции. Дело в том, что общественное мнение всегда является отношением его субъекта или носителя к социально значимому объекту. В свою очередь, это отношение не ограничивается одной-

единственной формой проявления; оно может проявляться в трех “ипоста-сях”: как исключительно духовное явление (оценка); как более или менее выраженная позиция (установка), своего рода “мостик” от духовного к практическому; как поведение (практический акт) [1]. Такая дифференциация форм проявления общественного мнения обусловила соответствующие расхождения в его интерпретации. Свидетельством этого могут быть определения общественного мнения либо как состояния общественного (массового) сознания, охватывающего оценки и установки, либо как коллективного поведения. Последнюю точку зрения высказал, в частности, Г.Блумер. Общественное мнение, по Блумеру, относится к сфере коллективного действия, поэтому он считал его существенным признаком взаимного согласования различных линий индивидуального поведения на основе нормативно обусловленных ожиданий, благодаря чему “индивиды совместно действуют определенным образом” [2].

К реалистической интерпретации общественного мнения тяготеет также Пьер Бурдьё. “В реальной ситуации, — подчеркивает он, — мнения становятся силами, а соотношение мнений — силовыми конфликтами между группами”. Конкретными выразителями общественного мнения, согласно П.Бурдьё, следует считать “группы давления, мобилизованные вокруг... интересов” [3, с. 173, 177].

Заметим, что эти объединения обращаются к различным формам влияния. Как объединения граждан, детерминированные определенными социально значимыми проблемами, они характеризуются ситуативностью существования, измеряемого сроком решения этих проблем. Вместе с тем, им присуща определенная целостность, внутренняя организованность. Так, проведенный в 1991 году А.В.Танасюк возле здания Верховной Рады Украины опрос демонстрантов, объединенных в разные по направленности группы давления, показал, что несмотря на недолговечный характер и текучесть состава этих объединений, их члены уже отличались сформированным чувством “мы” и четким разделением на “своих” и “чужих”. Факторами такой идентификации, или ценностно-нормативными ее основаниями являлись, во-первых, общие для всех типов объединений нормы поведения (формы общения, способы ведения дискуссии и демонстрации своих требований); во-вторых, символика (флаги, одежда, язык) и лозунги, в которых декларировались цель объединений и отношение демонстрантов к власти [4].

Перечисленные выше формы общественного мнения как разновидности коллективного поведения обнаруживают одну его особенность, весьма важную для выяснения его сути и механизма функционирования. Речь идет, прежде всего, о внутренней организованности субъекта общественного мнения, проявляющейся во взаимном согласовании реакций отдельных индивидов по отношению к объекту, в их мобилизации вокруг общих интересов, формировании чувства “мы”, осознании существования “своих” и “чужих”. Все это, как нам кажется, дает достаточно оснований, чтобы утверждать, что общественное мнение, во всяком случае, на уровне реального действия, имеет два измерения: внешнее, проявляющееся в отношении общественного субъекта к объекту, и внутреннее, раскрывающееся через механизм организации коллективного поведения.

Учитывая, что коллективное поведение не исчерпывает всех форм общественного мнения, возникает вопрос: правомерно ли данный вывод счи-

тать корректным относительно других его проявлений, благодаря которым оно определяется как состояние массового сознания, отражающего в суждениях, оценках и установках людей их отношение к насущным общественно значимым проблемам, событиям и фактам социальной действительности.

В подобной интерпретации общественное мнение ограничено двумя функциональными измерениями: гносеологическим, поскольку фиксируется его способность отражать действительность в соответствующих логических и психологических формах человеческого сознания, и социологическим, где его рассматривают в аспекте его влияния на социальные институты и решения важных общественных проблем.

Приведенное определение, впрочем, не дает ответа на поставленный вопрос касательно внутреннего механизма образования и функционирования общественного мнения, то есть о том, что превращает индивидуальное мнение в мнение общественное (на что, собственно, обращают внимание при рассмотрении общественного мнения как формы коллективного поведения).

Чуть больше внимания проблеме формирования и функционирования общественного мнения в интересующем нас аспекте уделяется в социально-правовых исследованиях, где его рассматривают в контексте индивидуального поведения, прежде всего как его весомый фактор и предпосылку [5]. При таком подходе — его можно назвать социально-психологическим — общественное мнение трактуется как неформальный социальный контроль, осуществляемый социальным окружением индивида и базирующийся на его способности сознательно соблюдать социальные нормы. Вместе с тем, следует заметить, что данный подход в этих исследованиях реализуется не в полной мере. Дело в том, что общественное мнение рассматривается здесь либо как внешняя по отношению к индивидам сила, для которой они являются объектами, либо только как феномен, возникший вследствие непосредственного или опосредствованного общения индивидов как его субъектов.

Соотношение этих форм общественного мнения доказывает, что исследовать их нужно во взаимосвязи, чтобы понять его суть. Одна из первых попыток реализации такого подхода к интерпретации общественного мнения была предпринята в 1937 году американским исследователем Ф.Олпортом в статье “К науке об общественном мнении” [6].

Обобщая имевшийся на то время опыт изучения общественного мнения в США, он определил систему критериев его идентификации среди прочих, в чем-то схожих явлений. Изложенные в статье критерии, которые в совокупности представляют достаточно полную и разностороннюю характеристику общественного мнения, включают, в частности, признаки и особенности внутреннего механизма его функционирования. В первую очередь речь идет о том, что существование общественного мнения предполагает осознание его субъектом сходства собственной реакции с реакциями других людей. Этот постулат отражает традиционную точку зрения, согласно которой общественное мнение — это выражение воли определенной целостной социальной общности, то есть индивид должен отдавать себе отчет не только в отношении к объекту, но и в оценке его другими. Таким образом, в сознании человека, прежде чем он сделает собственные оценки, уже должно быть понимание того, что другие люди также определенным образом относятся к этому объекту. В таком смысле общественное мнение представляет

собой реакцию на объект, оцениваемый другими, и потому носит двойкий характер: мнение об объекте и мнение о его социальных оценках.

В наибольшей степени, как утверждает Ф.Оллпорт, этому способствуют средства массовой коммуникации, создавая ситуацию, в которой индивид осознает, что оцениваемые им общественные явления одновременно познаются и оцениваются другими. Факт осознания характера реакции других людей на проблему дает возможность предполагать, что индивид изберет такой тип поведения, который, по его мнению, будет соответствовать поведению окружающих.

Не вдаваясь сразу в анализ изложенных тезисов, заметим только, что они довольно точно характеризуют общественное мнение как процесс, направленный во вне — на объект оценки, суждения, установки, и одновременно как процесс влияния массового (общественного) сознания на индивидуальное, направленный внутрь — на своего субъекта, носителя, на индивидов, которые, высказывая собственное мнение, осознают, вместе с тем, требования коллективной воли и определенным образом учитывают их в своем поведении.

На такой двойственный характер общественного мнения обращают внимание и другие исследователи, в частности, Элизабет Ноэль-Нойман. Отслеживая динамику электорального поведения граждан ФРГ, которые в сентябре 1965 года избирали свой парламент, она заметила, что зафиксированная в ходе ежемесячных опросов с января по август того же года тенденция почти равного распределения голосов между представителями блока ХДС/ХСС и СПН накануне и во время голосования неожиданно изменилась в пользу первого. В этой предвыборной гонке блок ХДС/ХСС опередил своего конкурента на 8%, то есть 4% электората — некогда сторонники СПН — изменили решение и отдали свои голоса за его оппонента [7, с. 30–31, 33].

Анализ этого феномена, получившего название “эффект попутчика”, выявил зависимость политических предпочтений граждан от их представлений о том, на кого ориентируется большинство избирателей. В упомянутом исследовании эти представления фиксировались одновременно с электоральными намерениями респондентов и уже с января 1965 года отражали непрерывно возрастающую популярность блока ХДС/ХСС, обусловив в сентябре этого же года так называемый “сдвиг в последнюю минуту” в его пользу [7, с. 31].

Дальнейшие опросы населения ФРГ по 55 темам, осуществленные под руководством Э.Ноэль-Нойман в течение 1971–1979 годов, доказали неслучайность этого явления, отнюдь не ограниченного собственно электоральным поведением. Одной из его предпосылок, как свидетельствуют результаты названных выше опросов, является то, что большинство респондентов (от 80 до 90%) имеют представление о мнениях окружающих по поставленным вопросам и могут эти мнения оценивать. Распределение таких мнений, их соотношение в массовом сознании Э.Ноэль-Нойман определяет, по аналогии с природными явлениями, как “климат мнений” [7, с. 39–43]. Восприятие “климата мнений”, формируемого окружением респондентов или средствами массовой коммуникации, в итоге обуславливает “эффект попутчика”, или “сдвиг в последнюю минуту”.

Введение в научный оборот термина “климат мнений” имело положительное значение, поскольку концентрировало внимание на раскрытии механизма его воздействия на личность. Попытка теоретического осмысления этого механизма получила название “теории спирали молчания”, которая впервые прозвучала на Международном психологическом конгрессе в Токио в 1972 году. Суть ее заключается в том, что, с одной стороны, общество угрожает изоляцией, а то и отторжением индивидам, которые избегают консенсуса, а с другой стороны, индивидам присуще — зачастую неосознанное, вероятно, генетически заложенное — чувство страха перед изоляцией. Этот страх побуждает их постоянно выяснять, какие мнения и способы поведения одобряются или не одобряются их окружением. Если люди считают, что соответствуют консенсусу общественного мнения, они более уверены в себе и принимают участие в разговоре, частном или публичном, демонстрируя свои убеждения, к примеру, значками, наклейками, одеждой и другими доступными для всеобщего обозрения символами. Если же люди убеждены, что они в меньшинстве, они становятся осторожными и немногословными, усиливая у общественности впечатление о слабости своего лагеря, пока этот лагерь в самом деле не сведется к небольшому твердому ядру, цепляющемуся за старые ценности, или же пока не будет объявлено табу на него [7, с. 289–290].

Применение теории спирали молчания в исследованиях электорального поведения и других проявлений общественного мнения, проводившихся Э.Ноэль-Нойман и ее последователями в многих странах мира, доказали правильность как отдельных ее положений, так и всей концепции в целом. Наиболее убедительным это представляется в случае, когда речь идет об эмпирически зафиксированных явлениях чувствительности граждан к “климату мнений” или феноменах “эффекта попутчика” и “сдвига в последнюю минуту” [см. : 7, с. 30–94]. Согласно теории спирали молчания формировалось и определение общественного мнения. По утверждению ее автора, “общественное мнение — это мнения, способы поведения, которые следует высказывать или проявлять публично, чтобы не оказаться в изоляции” [7, с. 252].

С позиций этой же теории, но с ударением на корреляте страха перед изоляцией — общественном согласии, Э.Ноэль-Нойман дает другое определение общественного мнения: “общественное мнение — это согласие между представителями одной человеческой общности по вопросу, имеющему важное эмоциональное или ценностное значение, которое должны уважать и индивид, и правительство под угрозой оказаться отвергнутым или свергнутым — по крайней мере в виде компромисса в публичном поведении” [7, с. 253].

Сравнивая эти определения общественного мнения, вполне логично сделать вывод об их взаимообусловленности: если второе определение подчеркивает целевую функцию общественного мнения — обеспечение согласия между его носителями по поводу оценок и отношения к его объектам, то первое определение указывает на общественное мнение как способ достижения такого согласия — угрозу изоляцией своим носителям-субъектам. Рассмотренные под таким углом зрения характеристики общественного мнения дают веские основания считать его разновидностью социального контроля, ведь главным назначением последнего как раз и является регу-

лирование поведения членов социальных общностей согласно принятым в них социальным нормам и ценностям. На это обстоятельство — схожесть характеристик общественного мнения и социального контроля, а точнее, неформального социального контроля, исключая правовое регулирование поведения, Э.Ноэль-Нойман обратила внимание еще в 1964 году, хотя подробнее проанализировала ее несколько позже.

Отслеживая историю становления концепции социального контроля в трудах Э.Росса, Р. Ла Пьера, Г.Спенсера, которые внесли ощутимый вклад в изучение этого явления, она нашла подтверждение своим взглядам. В частности, выяснилось, что для Росса и Ла Пьера общественное мнение является формой социального контроля [8]. Именно в форме общественного мнения социальный контроль приобретает влияние или применяет санкции, среди которых особое место занимают психологические: от игнорирования приветствия до полного бойкота человека [9].

Дальнейший анализ исследований социального контроля приблизил Э.Ноэль-Нойман к парадоксальному выводу: об общественном мнении в данной сфере исследований больше не говорят. Дело в том, что “двойственность интегрирующей силы, принуждающей индивида и правительство уважать общественное согласие, ускользает от внимания, воздействие на индивида отныне называется “социальный контроль”, воздействие на правительство расширяется и обозначается “общественным мнением”, и в качестве интеллектуальной конструкции, о которой сейчас идет речь, принимает нормативный характер. Связь обоих влияний разрушена” [7, с. 142]. Некоторым отражением такого состояния вещей можно считать соответствующую дифференциацию определений общественного мнения, на что указывает исследовательница. Анализируя 50 определений, приведенных Г.Чайлдсом [10], она приходит к выводу, что большинство из них (за исключением нескольких определений технико-инструментального характера, в которых общественное мнение отождествляется с результатами опросов) относятся к двум концепциям общественного мнения.

Согласно первой, общественное мнение — это рациональность. Она играет инструментальную роль в процессе формирования и принятия решений в условиях демократии.

Согласно второй, общественное мнение представляет собой разновидность социального контроля, способствуя социальной интеграции и обеспечению достаточного уровня единогласия для определенных действий и решений [7, с. 315].

Сравнение этих концепций показывает, что они исходят из разных предпосылок относительно природы и функций общественного мнения и, рассмотренные в отдельности, не дают целостной его картины. Если первая тяготеет к рациональным логическим основаниям и формам проявления общественного мнения, определяя его как сознательное отношение к объекту, но не объясняя, почему и каким образом это отношение приобретает силу коллективной воли, то вторая, напротив, подчеркивает последнее, игнорируя логическую форму и внешнюю направленность общественного мнения, то есть все то, ради чего, собственно, и оказывается давление на его носителей, с тем чтобы достичь согласия в их оценках и поведении.

Различиями в интерпретации общественного мнения можно пренебречь, считает Ноэль-Нойман, если воспользоваться предложенной Робертом Мер-

тоном рекомендацией различать явные и скрытые функции общественных образований. Явные функции, по Р.Мертону, — это функции, осознаваемые участниками процесса и реализуемые ими с определенными намерениями. Скрытые функции реализуются независимо от того, осознаются они или нет, выполняются они с какими-то намерениями или без них [11].

Исходя из этой рекомендации, целесообразно считать, что первая концепция характеризует общественное мнение со *стороны его явной функции*, вторая — со *стороны скрытой*, а само мнение — считать совокупностью этих функций. В контексте такого подхода общественное мнение можно определить как отражающее отношение представителей определенной социальной общности к социально значимым объектам и контролируемое представителями этой общности. Одним словом, общественным является мнение, контролируемое общностью, к которой относятся его носители — субъекты этого мнения. Именно последнее обстоятельство превращает статистическую сумму мнений отдельных индивидов в общественное мнение. Вспомним определение общественного мнения, предполагающее возможность или необходимость демонстрировать его, не опасаясь изоляции. Такое мнение является следствием действия социального контроля и в таком виде получает от общности (что само по себе уже наделяет его статусом публичности) санкцию на существование. Иллюстрацией подобного положения вещей может служить приведенный выше пример электорального поведения граждан ФРГ во время парламентских выборов 1965 года, когда избиратели принимали окончательное решение голосовать за ту или иную партию, учитывая отношение к этим партиям большинства.

Двойственная природа общественного мнения предполагает также два главных направления его идентификации. Прежде всего, выяснить, действительно ли мнения респондентов, зафиксированные во время опросов, являются их собственными мнениями, а не артефактами, создаваемыми в процессе ознакомления респондента с текстом анкеты или взаимодействия с интервьюером. Основные средства подобной идентификации, включая теоретико-методологические основы, методические приемы и технические процедуры, в последнее время достаточно плодотворно разрабатываются в отечественной социологии. Относительно второго направления идентификации, а именно — выяснения обусловленности отношения индивидов к социально значимым объектам оценками других людей, то его теоретико-методологические основы пока только обозначены, поэтому применяемые методические и технические средства не получили глубокого научного обоснования.

Ориентиром в решении этой проблемы может послужить понятие “социальный контроль”. Оно, как доказала своими теоретическими и эмпирическими исследованиями Э.Ноэль-Нойман, наиболее адекватно отражает характер действия упомянутой обусловленности (именно это отражает сам факт наличия понятия контроля в качестве видового признака в приведенном выше определении общественного мнения). Итак, рассмотрев способ действия социального контроля, мы тем самым определим способ функционирования общественного мнения и получим характеристики, позволяющие распознать его среди других проявлений общественного сознания. Более всего, по нашему мнению, этому соответствует определение, согласно которому социальный контроль представляет собой механизм саморегуля-

ции социальных общностей, оказывающий целенаправленное влияние на поведение людей с целью обеспечения порядка и стабильности [12]. Определение социального контроля с помощью понятия “механизм”, как нам представляется, достаточно точно передает его сущность — служить средством передачи влияния, воздействия общности (через своих членов) на индивида.

Анализируя действие социального контроля, С.Фролов выделяет три основных его разновидности: через социализацию; через добровольное принятие индивидом норм и стандартов поведения, преобладающих в его окружении; через принуждение, угрозу применения негативных санкций со стороны общности [13]. Соответственно вырисовываются три способа социального влияния на мнения людей [14]. Согласно первому, общность влияет на формирование мнений опосредствованно, контролируя усвоение ценностей и норм, которые непосредственно выступают критериями оценки общественно значимых проблем и, в итоге, определяют отношение к ним членов этой общности. При подобных обстоятельствах индивиды даже могут не осознавать влияния общности, считая свое мнение, поскольку оно является результатом собственной оценки, автономным, независимым от внешнего контроля.

Согласно второму, формирование мнений является следствием процесса, в ходе которого индивид сознательно и по собственному желанию принимает оценки и отношения, инициированные другими лицами (общностью), к которым он относится с уважением и которые репрезентируют признанные им ценности, нормы и образцы поведения. Такая ситуация имеет место в случае, если индивид отождествляет себя с общностью, к которой он принадлежит или стремится принадлежать, и хорошо объясняется теорией референтных групп.

Согласно третьему, оценки и суждения, высказываемые индивидами открыто, в большинстве своем обусловлены давлением со стороны других людей (общности). Прежде всего это выражается в том, что индивиды, чтобы избежать негативных санкций или, наоборот, получить одобрение, поддержку большинства, сознательно принимают и декларируют мнения, которые репрезентируют доминирующие в ближайшем окружении взгляды.

Рассмотренные проявления общественного мнения, предвзятые соответствующими формами социального контроля мнений индивидов со стороны общности, становятся возможными благодаря способности людей “принимать роль другого”, то есть осознавать возможные реакции этого “другого” на собственное поведение. В таком случае, считает Дж.Мид, поведение индивида — это результат принятия им установок окружающих его людей относительно его самого с дальнейшей кристаллизацией всех этих отдельных установок в единую установку или точку зрения, которую можно назвать установкой “обобщенного другого”. Как раз в форме “обобщенного другого” общность осуществляет контроль за поведением своих членов, поскольку это позволяет определенным образом влиять на мышление индивида. В абстрактном мышлении индивид принимает установку обобщенного другого по поводу себя безотносительно к ее проявлениям у любых других конкретных индивидов. В конкретном мышлении он принимает эту установку в той мере, в какой она отражается в установках относительно его

поведения тех других индивидов, вместе с которыми он вовлечен в определенную социальную ситуацию или действие [15].

Такая организация поведения индивида, считают Дж. Мид и его последователи, прежде всего обуславливается структурой личности, в которой они выделяют три элемента: *I, me, self*. Первый элемент — “*I*” (дословный перевод — “Я”) — импульсивная, активная основа индивида, его творческое, движущее начало, побуждающее человека к действию, хотя само по себе еще не являющееся социальным, будучи не отягчено влиянием общности. Второй элемент — “*me*” (дословно — “меня”, то есть каким меня видят или хотя бы видят другие); это и нормативное “Я”, своего рода внутренний социальный контроль, основанный на учете ожиданий — требований значимых для индивида других людей и, прежде всего, “обобщенного другого”. “*Me*” формируется в процессе социализации и существует в структуре индивида как совокупность интернализированных установок общности. Третий компонент — “*self*” (“самость” человека) — представляет собой результат соединения “*I*” и “*me*”, то есть импульсивного “Я” и нормативного “Я”, а также их активного взаимодействия. Это уже социальное “Я”, действующее, исходя из ожиданий-требований со стороны общности и сознательно подчиняя им свои потребности и стремления. Социальное “Я” не может быть изолированным индивидом, оно не может существовать вне контекста социального взаимодействия, поскольку определяется только при наличии других людей, других “Я”. Индивид превращается в “Я”, когда может относиться к себе как к объекту.

Подчеркивая социальную природу человека, обусловленность его мышления и поведения взаимодействием с другими людьми, Дж. Мид не ограничивается одной только декларацией; он закладывает фундамент ее теоретического и эмпирического исследования. Кроме уже рассмотренной структурной модели индивида, проекция которой на процесс взаимодействия определяет условия его исследования, так сказать, “от личности”, он вводит понятие “роль”, помогающее уточнить, что и в какой степени в данном процессе обусловлено общностью. Именно благодаря социальной роли как точке пересечения индивида и общества, индивидуальных склонностей с нормативными требованиями общности, нормативное “Я” индивида наполняется конкретным содержанием, а поведение и мышление становятся социальными. Изучая этот аспект социального взаимодействия, один из последователей Дж. Мида, Манфорд Кун, пришел к выводу, что индивид “формирует свои планы поведения в соответствии с выполняемыми ролями и занимаемыми статусами в группах, с которыми он себя идентифицирует” [16]. Основанием для такого утверждения послужили результаты проведенных М. Куном и его сторонниками опросов с применением тестовой методики, предполагающей ответы респондентов на вопрос “Кто я такой?” [17]. Полученные ответы разделили на две категории: а) характеризующие социальный статус и роль респондента, его принадлежность к определенной группе; б) по своему содержанию представляющие собой индивидуальные характеристики опрашиваемого.

Материалы исследований обнаружили абсолютное доминирование ответов первой категории. К тому же выяснилось, что диапазон таких ответов очень широк и охватывает значительное количество ролевых позиций — в среднем на одного опрашиваемого приходилось более полутора десятка

ответов [18]. Таким образом, возникает проблема, решение которой имеет принципиальное значение для выяснения на эмпирическом уровне влияния общности на мнения индивидов. Речь идет, во-первых, о вычленении из всей совокупности декларируемых респондентом социальных ролей только релевантных с точки зрения формирования его нормативного “Я” и, во-вторых, о выяснении степени интернализации этих ролей, а значит, и ценностно-нормативного компонента, корректирующего отношение индивида к объектам, которые попадают в поле действия общественного мнения.

Опосредствованное влияние общности на формирование нормативного “Я” через интернализацию человеком исполняемых им социальных ролей не является единственно возможным. Влияние общности на человека совершается и другим путем. К факторам такого влияния можно отнести референтные группы. Специфика их заключается в том, что в отличие от группы, к которой индивид реально принадлежит, к референтной группе он относит себя психологически, что не всегда совпадает с реальным “членством”. К тому же, ценности и нормы референтной группы каждый воспринимает сознательно и по собственной воле, превращая их в “систему отсчета” для самооценки и оценки явлений социальной жизни, для формирования собственной “картины мира” [19].

Подобная интерпретация понятия “референтная группа” (приоритет относительно введения его в научный оборот принадлежит американскому социальному психологу Г.Хайману) во многом созвучна с концепцией “обобщенного другого” Дж.Мидса. Поэтому современные теории референтной группы можно считать углублением Мидовой идеи социальной обусловленности личности, зависимости ее оценок и поведения от мнений других людей.

Важными характеристиками референтных групп, пригодными для их классификации и распознавания среди других социальных групп, считаются функции, то есть способы влияния на сознание и поведение людей. Наиболее полное их определение дал американский социальный психолог Герольд Келли [20]. Обобщив результаты предшествующих исследований Г.Хаймана, Т.Ньюкома, М.Шерида, Р.Мертонса в области теории референтных групп, он отметил, что термин “референтная группа” используется для описания двух типов абсолютно разных групп.

В одном случае речь идет о группе, мотивирующей вступление или сохранение индивидом своего членства в ней. С этой целью индивид согласовывает свои установки с тем, что, по его мнению, является в группе общепринятым. Члены подобной группы наблюдают за этим индивидом, оценивают и контролируют его поведение.

В другом случае группа представляет собой систему отсчета, используемую индивидом для формирования собственных оценок. Как правило, такие группы не могут контролировать его поведение, поскольку существуют лишь в воображении индивида, или же являются “внешними”, то есть не предусматривают членства и потому индифферентны к нему.

Необходимо, однако, заметить, что установления референтных групп индивида или ключевых социальных ролей, влияющих на характер его мнений, недостаточно для того, чтобы выяснить, являются ли эти мнения только частными или же выражением общественного мнения. Дело в том, что совокупность упомянутых выше групп и ролей индивида, через которые общность осуществляет социальный контроль, лишь очерчивает норма-

тивно-ценностный потенциал общности, а следовательно, и общественного мнения, однако не определяют, что именно в этом потенциале является актуальным, то есть реально влияет на мнения индивида в конкретном социальном контексте. Поэтому и возникает проблема поиска критериев, способных на эмпирическом уровне, во-первых, выявлять наличие действия социального контроля со стороны общности и, во-вторых, выделять из всей совокупности оценок и суждений те, относительно которых этот контроль осуществляется.

К таким критериям, на наш взгляд, следует отнести психологические реакции человека на нормативно-ценностное, то есть контролирующее действие общности. Прежде всего речь идет об эмоциональной реакции страха, чувстве стыда и вины. Такие реакции и чувства, отмечает В.Вичев, выступают взаимосвязанными проявлениями прогрессирующей способности человека оценивать самого себя с точки зрения общества. Они отражают способность человека быть субъектом и объектом самооценки, реализовать в самом себе общественное осуждение и одобрение, с помощью чего общество непосредственно влияет на индивида [21].

Интерпретация в опросах общественного мнения страха, стыда, вины, а точнее, их эмпирических индикаторов (отказ респондентов отвечать на вопрос анкеты или нежелание вступать в дискуссию; неловкость, огорчение в случае расхождения собственной оценки с оценкой большинства) как признака нахождения индивида в зоне действия социального контроля, а следовательно, и общественного мнения, ощущения и осознания этого действия при формировании и высказывании собственных оценок и суждений, имеет место в исследованиях Э.Ноэль-Нойман, М.Халлемана, Э.Гоффмана, С.Халицки [см.: 7, с. 73–95, 293–310].

Правомерность такой интерпретации обусловлена природой этих чувств, их местом и ролью в организации социального поведения индивида. В частности, эмоциональная реакция страха, хотя и уходит корнями в инстинктивно-биологическую основу человека, в общественном контексте приобретает сугубо социальный характер.

В зависимости от истоков и форм проявления различают два вида страха:

- как реакция индивида на угрозу его биологическому существованию со стороны сил, не подвластных контролю человека (стихийные бедствия, голод, война и т.п.);
- как реакция индивида на угрозу его престижу.

Последняя реакция возникает, если человек опасается огласки, то есть боится совершить или сказать что-то такое, что повлечет негативные санкции со стороны его окружения. Здесь страх выполняет функцию контроля, регулирует отношения индивида с чужим, посторонним, потенциально враждебным “они” [22, с. 157]. Особенность такой регуляции заключается в том, что индивид, руководствуясь эмоцией страха, уступает внешнему давлению и корректирует свои оценки и суждения в соответствии с оценками и суждениями большинства или, по терминологии Дж.Мида, “обобщенного другого”, с которым вынужден идентифицировать себя. В данном случае индивид выступает, хотя и принудительно, носителем общественного мнения, а идентификация с его субъектом имеет демонстративный характер, поскольку базируется не на интернализации собственных норм и ценностей, а лишь на декларировании их принятия.

В отличие от реакции страха чувство стыда имеет несколько иное происхождение. Оно обусловлено не противостоянием чужому “они”, а осознанием и добровольной идентификацией индивида с общностью, являющейся для него своей, и воспринимаемой как “мы”. Нормы и ценности такой общности представляются ему как собственные. Отклонение от них вызывает чувство стыда и неудовлетворенности собой, самоосуждение или обвинение самого себя. Попытки избежать подобных переживаний побуждают индивида согласовывать свои поступки с требованиями окружения. Предпосылкой этого является добровольная идентификация, которая, впрочем, не лишает человека ощущения индивидуальности, собственного “Я”. Благодаря этому он способен оценивать себя, относиться к своим поступкам так, как к ним должны относиться другие. Оценочная функция стыда базируется на интернализации требований общности, благодаря чему внешний надзор (социальный контроль) трансформируется во внутренний (самоконтроль). Подобная трансформация определяет также несколько иное, чем переживание страха, отношение индивида к общественному мнению. Оно воспринимается как собственное, хотя в зависимости от степени его интернализации и характера проявления индивид может выступать либо пассивным его носителем, либо активным пропагандистом, то есть субъектом.

Чувство вины предполагает способность человека осуществлять самоконтроль, самостоятельно формулировать для себя обязанности, требовать от себя их выполнения, самому оценивать свои поступки. Эту способность обозначают понятием “совесть”. Она проявляется или как осознание морального смысла поведения, или как эмоциональное переживание (“муки совести”). От чувства стыда, побуждающего человека смотреть на себя глазами “обобщенного другого”, чувство вины отличается тем, что возникает как бы изнутри и потому является сугубо внутренним и субъективным. Это суд человека над самим собою. Виновным может быть только тот, кто ощущает себя субъектом действия, осознает личную ответственность за свои поступки.

Сравнение чувства вины с другими психологическими способами регулирования поведения доказывает, что оно отличается от них не только степенью интернализации социальных норм, но и тем, с чем они соотносятся. Если реакция страха опирается на инстинкт самосохранения, а чувство стыда происходит от принадлежности индивида к определенной общности, то вина (совесть) предполагает относительную эмансипацию от внешнего влияния [22, с. 157–158].

Совесть — это личностная форма контроля, основанная на чувстве ответственности индивида перед самим собой и сформированная на базе внеиндивидуальных и внегрупповых ценностей. Именно совесть наделяет человека способностью поступать так, как он считает нужным, несмотря на ожидания и возможные негативные санкции со стороны социальной среды. Отношения этой категории людей, которых иногда называют “твердым орешком”, с мнением большинства носят независимый характер. Несмотря на внешнее давление, они способны публично отстаивать свои оценки и суждения, отбрасывать неприемлемые для них точки зрения и тем самым влиять на мнение окружающих. В таком случае их мнение становится составляющей мнения общественного, которое при этом будет иметь плюралистическую структуру. При других обстоятельствах, когда, например,

индивид высказывает свое мнение, но при этом не знает мнения большинства и, главное, не ощущает давления с их стороны по поводу своих суждений и оценок, он остается носителем и субъектом только своего собственного мнения.

Рассматривая вопрос идентификации общественного мнения, нельзя обойти вниманием проблему его соотношения с мнением индивидуальным, поскольку именно с последним мы непосредственно сталкиваемся в массовых опросах. При этом нужно заметить, что решение проблемы определяется выбором исходных принципов ее анализа [23]. Так, если принять допущение методологического индивидуализма, согласно которому носителем психики является индивид, а понятия “голос общественного мнения”, “публичное сознание”, “коллективный дух” представляют собой лишь фикции, то общественное мнение сводится к абстракции, которой обозначается статистическая сумма индивидуальных мнений. Без ответа остается вопрос о формах существования общественного мнения как целостного образования, его способности осуществлять регулятивную и социально-контролирующую функции относительно членов общности.

Безосновательной представляется также позиция холизма, согласно которой индивид считается лишь пассивным носителем таких автономных относительно него сущностей, как “общая воля”, “дух”, “общественное мнение”. Главный недостаток такого подхода заключается в исключении индивида из процесса формирования общественного мнения, лишении его возможности выступать его активным выразителем и, тем самым, в выходе за рамки предметного поля исследований соответствующих психологических форм индивидуального бытия.

Таким образом, если при первом подходе общественное мнение фактически не принимается как целостное и относительно самостоятельное образование, утрачивая свои социальные функции и социальную суть, то при втором отрицаются психологические предпосылки его существования — способность индивида не только осознавать общественное мнение, но и ощущать себя его субъектом.

Этих недостатков лишена методология системного анализа, согласно которой индивидуальное существует в социальном контексте, приобретающем реальные характеристики только во взаимодействии индивидов и их объединений. В плане общественного мнения это означает, что оно является вместе с тем и общественным явлением (состоянием общественного сознания, формой социального контроля), и индивидуальным (поскольку существует в сознании индивидов в виде оценок и суждений, воплощаясь в их поведении).

Механизм такого действия общественного мнения можно объяснить, опираясь на концепции социальной идентичности и самокатегоризации, разработанные Г.Теджфелом и Дж.Тернером в рамках упомянутой методологии.

Термин “социальная идентичность” Г.Теджфел вводит для описания того аспекта социальной идентификации, который, в отличие от личностной идентичности, связанной с самоопределением индивида в терминах физических, интеллектуальных и моральных личностных черт, является самоопределением его как члена общности. Суть этого термина состоит в том, что, какими бы сложными и разнообразными ни были представления

человека о себе и своем месте в социальной и природной среде, некоторые их аспекты определяются социальной принадлежностью человека [24]. Такая принадлежность в большинстве своем осознается индивидом, оценивается им положительно или отрицательно, проявляется в соответствующих эмоциях и переживаниях. Тем не менее главное здесь то, что индивид в процессе социального самоопределения или, по терминологии Дж. Тернера, самокатегоризации как бы утрачивает способность отличать себя от остальных членов “своей” общности, воспринимает себя как социальную категорию: общность, отличную от других, “чужих” общностей. Происходит деперсонализация индивидуального самовосприятия, когда люди начинают воспринимать себя и окружающих не как уникальных личностей, а как взаимозаменяемые элементы, относящиеся к той же общности или категории. Это, впрочем, не означает потерю индивидом собственного “Я”, своей идентичности, а лишь указывает на переход в конкретной ситуации, в данном социальном контексте от личной идентичности к социальной, на становление самовосприятия высшего уровня абстракции. Благодаря этому человек может, когда по каким-либо причинам в его сознании актуализируется социальная идентичность, переходить из состояния “индивид” в состояние “представитель общности”, а следовательно, осознавать, оценивать, определять и контролировать свое поведение с позиций (ценностей, норм, интересов) этой общности [25]. Примерами этого могут послужить поведение профсоюзного лидера во время переговоров с работодателем или состояние члена спортивной команды во время соревнований, действия дипломата, представляющего свою страну на международных переговорах, и т.п.

Таким образом, соотношение индивидуального и общественного мнения можно рассматривать как соотношение двух различных проявлений сознания индивида: “Я” и “мы”, если имеется идентификация с общностью; или “Я” и “они”, если таковая отсутствует, но есть осознание существования определенной общности и наличия отношений с ней. Тем не менее, и в первом, и во втором случае общественное мнение проникает в сознание индивида, становится его структурным элементом, выполняя роль представителя общности, а следовательно, и его функции: регулирования поведения индивида для достижения социальной интеграции, упорядочения жизнедеятельности общности. Благодаря этому индивид чувствует себя представителем общности, а его мнение становится способом существования мнения общественного.

Подытоживая изложенное, можно констатировать следующее. Общественное мнение, независимо от способа существования, имеет два взаимосвязанных измерения: внешнее, раскрывающееся в отношении людей к общественно значимым проблемам и непосредственно проявляющееся в формах их сознания (оценках, суждениях, установках) и реальных поступках, и внутреннее, состоящее в регулировании мышления и поведения людей для согласования их с интересами общности. В этом случае общественное мнение представляет собой разновидность социального контроля, субъектами и объектами которого одновременно выступают члены общности — носители и субъекты общественного мнения. В подобных обстоятельствах проблема идентификации общественного мнения трансформируется в проблему выяснения характера взаимодействия мнений индивидов с оценками и суждениями остальных людей.

Попытка анализа этой проблемы, изложенная в статье, свидетельствует не только о возможности ее концептуального освещения, но и содержит основания для разработки методических способов ее разрешения на эмпирическом уровне.

Литература

1. Горшков М.К. Общественное мнение. История и современность. — М., 1988. — С. 174–175, 180.
2. Блумер Г. Коллективное поведение // Американская социологическая мысль. — М., 1994. — С. 168.
3. Бурдьё П. Социология политики. — М., 1993.
4. Танасюк А.В. Общественные настроения и группы давления на власть // Общественное мнение и власть: механизм взаимодействия. — К., 1993. — С. 76.
5. Шавгулидзе Т.Г., Лежава Г.Ш. Общественное мнение и правосознание. — Тбилиси, 1990.
6. Allport F. Toward a Science of Public Opinion // Public Opinion Quarterly. — January 1937. — Vol.1. — № 1. — P. 13–21.
7. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. — М., 1996. — С. 30 — 31, 33.
8. Ross E.A. Social Control. A Survey of the Foundations of Order. — Cleveland; London, 1969. — P. 92.
9. La Pierre R.T. A Theory of Social Control. — New York; London; Toronto, 1954. — P. 218–248.
10. Childs H.S. Public Opinion: Nature, Formation and Role. — New York; Toronto; London, 1965. — P. 14–26.
11. Merton R. Social Theory and Social Structure. Toward the Codification of Theory and Research. — New York, 1962. — P. 51.
12. Тадевосян Э.В. Словарь-справочник по социологии и политологии. — М., 1996. — С. 109.
13. Фролов С.С. Основы социологии. — М., 1997. — С. 95–97.
14. Kelman H.C. Process of Opinion Change // POQ. — 1961. — № 25.— P. 57–76.
15. Мид Дж. Аз и Я // Американская социологическая мысль. — М., 1994. — С. 230.
16. Hickman C.A., Kuhn M. Individuals and Economic Behavior. — N.Y., 1956. — P. 45.
17. Symbolic Interaction. A Reader in Social Psychology // Ed. by Manis J.G., Meltzer B.N. — Boston, 1972. — P. 49.
18. Кун М., Макпартланд Т. Эмпирическое исследование установок личности на себя // Современная зарубежная социальная психология. Тексты. — М., 1984. — С. 180–187.
19. Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Современная социальная психология на Западе. — М., 1978. — С. 210–211.
20. Келли Г. Две функции референтных групп // Современная зарубежная социальная психология. Тексты. — М., 1984. — С. 197–203.
21. Вичев В. Мораль и социальная психика. — М., 1975. — С. 275.
22. Кон И.С. Открытие “Я”. — М., 1978.
23. Шихирев П.Н. Современная социальная психология в Западной Европе. — М., 1985. — С. 26–33.
24. Tajfel H. Human Groups and Social Categories: Studies in Social Psychology. — Cambridge, 1981. — P. 255.
25. Turner J.C. Social Categorization and the Self-Concept: a Social Cognitive Theory of Group Behavior // Advances in Group Process. Theory and Research. — Greenwich (Connecticut), 1985. — Vol.2. — P. 77–91.